

ождается их ужесточение. Все окончательно запуталось после появления «кремлевского списка» олигархов: хотя он не является основанием для включения в санкции, после введения ограничительных мер против Олега Дерипаски и Виктора Вексельберга, а также их бизнес-империй азиатские инвесторы относятся к россиянам еще более настороженно.

Наконец, сказывается и тот фактор, что в предыдущие десятилетия россияне не особо рвались в Азию, предпочитая делать бизнес с Европой, более близкой и географически, и культурно. В результате у российского бизнеса и государства не так много экспертизы и понимания, как именно вести дела с китайскими, японскими и другими инвесторами, как именно строить коммуникацию, кто является надежным партнером, а кто — нет. Самым ярким примером того, как отсутствие экспертизы отразилось на инвестиционном сотрудничестве России со странами Азии, стал срыв сделки по продаже пакета акций «Роснефти» китайской CEFC — команда крупнейшей национальной госкомпании просто не смогла разобраться, что «успешная частная энергетическая компания» и ее импозантный владелец Е Цзяньмин лишь фасад гигантской финансовой пирамиды, которую в итоге разрушили китайские право-

Самые привлекательные активы, которые позволяют быстро окупить затраты, обычно расхватывают госкомпании, а иностранцев зовут в долгие и сложные проекты

охранители. Кстати, на отсутствие экспертизы по России могут пожаловаться и многие азиатские инвесторы — российский рынок был слишком долгими годами не сильно к ним дружелюбен для того, чтобы инвестировать значительные ресурсы в его понимание. Именно поэтому повальное закрытие счетов российских компаний и физлиц в Гонконге и материковом Китае после введения санкций не должно удивлять — команды по risk compliance даже в крупнейших госбанках КНР знают Россию плохо, а потому им проще отказаться от российских клиентов, чем принимать на себя не до конца понятные риски.

Политика не решает

В частных разговорах китайские инвесторы описывают главную проблему

России с их точки зрения. Китайцы любят вкладывать в страны, где активы дороги, но регуляторная среда идеальна и финансовую модель при прочих равных можно уверенно посчитать — там либо есть хорошо работающие сырьевые активы, как в Австралии и Канаде, либо есть высокие технологии, как в США и ЕС, либо есть готовые и приносящие прибыль уже сейчас бизнесы. Не менее интересны китайцам и юрисдикции, где политические риски вроде как высоки, но с местными чиновниками или силовиками можно договориться и те соблюдают договоренности в обмен на взятки: активы в таких странах обычно дешевы, а конкурентное поле разреженное, поскольку глобальные компании не идут в эти страны из-за репутационных рисков. Так, КНР инвести-

рует в некоторые африканские страны и Венесуэлу. Россия же, по словам китайцев, находится где-то посередине, совмещая недостатки обоих полюсов: цены на активы задраны, чиновники и владельцы бизнесов мнят себя европейцами, но при этом уровень защиты инвестиций зачастую хуже, чем в Африке, где берут взятки и потом не кидают. Именно поэтому китайский бизнес осваивает выгоды простой торговли (товарооборот с КНР в 2018 году впервые взял планку в \$100 млрд и превысил \$107 млрд), а также инвестирует в проекты, одобренные на уровне первых лиц государств. Остальные инвестиции в Россию заходят куда медленнее, поскольку китайские бизнесмены стараются перестраховываться.

При этом политическое прикрытие, похоже, успешно работает только с Китаем, а вот с той же Японией уже получается намного хуже. Несмотря на то что премьер Абэ велел бизнесу активизировать контакты с Россией в надежде, что это поможет получить Курильские острова, больших результатов эта активность не приносит: японский бизнес видит в России больше рисков, чем возможностей, а дать политическую отмашку эти риски игнорировать японский премьер, в отличие от председателя КНР, национальным компаниям не может ●